

Неделя. — 1993. — сент. (№ 4). — С. 2, 7.

Разговаривать с популярнейшим актером

Александром Калягиным легко. Потому, что даже сама его внешность располагает к задушевной беседе, а может, потому, что он удивительно тонко распознает настроение собеседника. Сразу чувствуешь, какой вопрос ему интересен, когда он отвечает искренне, доверительно, как на исповеди, а когда из вежливости, чтобы просто удовлетворить твое любопытство. Речь его эмоциональна, порой обрывочна, он постоянно следит за глазами собеседника: понимает ли, разделяет ли тот его чувства.

— Александр Александрович, слышал, что некоторые ваши бывшие коллеги отзываются о вас, как о неуживчивом человеке.

— Непростой характер был у меня всегда. С годами он, видимо, становится все труднее и труднее. К сожалению, прежде всего это отражается на моих близких. Годы, прожитые в искусстве, амортизируют многие душевные качества. Иногда не успеваешь себя тормозить в каких-то вещах. Но я всегда сознательно шел и иду на конфликт, когда вижу несправедливость. Мне доброжелательно советуют промолчать — не могу.

В основном это касается ситуаций, когда унижают человеческое достоинство. Я никому не позволял хамить себе. Ни одному главному режиссеру ни в одном театре. Конечно, шел и на компромиссы, но и они, эти компромиссы, не

Фото В. АХЛОМОВА.

Александр
КАЛЯГИН:

«Я НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛЮ

ОСКОРБЛЯТЬ СЕБЯ. НЕ ПЕРЕНОШУ,

КОГДА УНИЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА»

предавали меня. Спросите обо мне того же Олега Ефремова. И он, уверен, скажет: у Калягина непростой характер. И это при том, что мы с Ефремовым относимся друг к другу, как близкие люди. Когда мне нужно было объясниться с тем или иным главным режиссером, то писал ему письмо, где излагал свою точку зрения. Прочитав его, «главный» либо понимал, либо не понимал меня, но моя совесть была чиста: я сказал все, что думаю. Хотя, конечно, не всегда и не во всем бываю прав. И все же сейчас, сыграв массу ролей и прожив достаточно лет, могу утверждать, что только благодаря непримиримости к оскорблению своего достоинства, своей личности многое успел сделать.

— Вы везучий человек?

— Безусловно. И первым моим везением была встреча, пусть телевизионная, с Чарли Чаплином и Аркадием Райкиным. В детстве я был очень одинок. Рос без отца, а мама много времени проводила в институте, где преподавала иностранные языки, зарабатывала деньги, чтобы поставить меня на ноги. Моя душа, видимо, подсознательно стремилась опереться на какого-то мужчину. От одиночества я строил сам себе какую-то другую, не похожую на действительность жизнь. Общался со своим «я» через мир театра. И, увидев Чаплина и Райкина на экране, понял, что именно эти люди дают мне опору в жизни, надежду, что я не одинок. И хотя я смеялся над их фильмами, мне всегда было безумно грустно и больно за тех, кого они играли.

А второе несомненное везение — когда в 24 года никому не известным, начинающим актером я пришел в Театр имени Ермоловой и сразу же получил возможность сделать роль Поприщина в «Записках сумасшедшего». Ведь больше всего в те времена я боялся «массовочности», боялся затеряться со своим «я», не сказать то, что мог и должен сказать. Самым ужасным для меня было — не быть услышанным.

— Семь лет назад, давая интервью, вы признались, что, будучи беспартийным, ощущаете себя комиссаром. Изменились ли ваши взгляды с тех пор?

— Смотри что подразумевать под словом «комиссар». У нас сегодня такое безродное время, когда возникают новые классы и начисто отвергается прошлое. Было время — некоторые литературоведы на полном серьезе причисляли Достоевского, Гоголя и Толстого к писателям, способствовавшим рождению революции, будившим в народе недовольство жизнью. Ну, а как с нынешних позиций относиться к Маяковскому, Багрицкому, Шолохову, воспевавшим советское время? Я боюсь, как бы из-за этого «нового» времени многие слова не ушли в забвение. Прекрасные слова, прекрасные писатели, прекрасные произведения. Новой литературы нет, а мы уже пытаемся забыть старую, вырубить корни. И то же происходит со словами.

Когда пена уляжется, мы будем нормально относиться к слову «комиссар». Не со страшным оттенком, которое оно приобрело при большевизме. Под комиссаром я подразумевал человека, которого уполномочили сказать что-то народу, зрителям, толпе, массам. В этом смы-

ле я тогда и говорил о своем беспартийном комиссарстве.

— Александр Александрович, я знаю, что вас часто приглашают на презентации и встречи за дружеским столом с богатыми людьми. Но вы отказываетесь. Почему?

— Порой забавно: если раньше звали на подобные мероприятия и указывали номер кресла и ряд, то теперь пишут номер стола. Но я действительно на такие презентации не хожу. Мне трудно поверить, что вдруг, сразу после президентского Указа, появились миллионеры. Откуда?

Когда страна в одночасье делает громадное большинство своих сограждан бедными путем реформ и налогов, когда нас опять призывают верить в светлое будущее и наблюдать за небольшой группкой богатых людей, для которых это будущее уже наступило, я невольно задаю себе вопрос: где они взяли свои миллионы? Кто меня приглашает? Богатство надо уважать, если оно честно заработано, а для этого нужно время. Заработавших состояние без обмана, к сожалению, очень мало: ведь это кропотливый труд — сделать себя счастливым, не ранив никого вокруг.

— Вас, видимо, не отнесешь к заядлым «рыночникам».

— По сути я действительно нахожусь в, так сказать, диалектическом состоянии. С одной стороны, это нынешнее время позволило мне открыть свой театр «ЕТ.СЕТЕРА». Или попробовать снять фильм так, как я хочу. Никто надо мной не будет сидеть, висеть, никто не станет меня «резать». Единственным цензором будет мой художественный вкус.

С другой стороны, я глубоко не приемлю то, что творится. Я никогда не позволял себя унижать, а это время унижает. Как бы мы ни говорили о прошлом, но то время позволяло заниматься самовоспитанием. Сейчас все критерии размыты. Поэтому воспитывать личность тяжело. Непонятно, что преподавать в литературе, истории, меняются нравственные ориентиры. Требуется очень серьезно перелопатить самого себя, чтобы понять новые истины кожей, порами, кровью. Для этого нужны годы.

Я не приемлю вранье, ложь. И что бы мне ни говорили наши правители о том, что надо срочно, как можно быстрее (!) все менять, иначе будет поздно, я вспоминаю слова Михаила Эпштейна: «Революция — это нетерпение чувств». Опять революция. Опять «ломают дрова», опять ломают людей, опять льется кровь. Че в физическом, буквально смысле, я сейчас не говорю об этом, льется душевная кровь.

Я никогда не был коммунистом. Зсю жизнь я внутренне боролся с людьми, которые занимались идеологией. У меня до сих пор в столе лежат перепечатки из некогда запрещенной литературы, которая меня воспитывала. Но тем не менее сегодня я среди консерваторов, потому что не переносю, когда унижают личность.

Одна американская журналистка гениально отзывалась о нашей системе: русские свой рынок подключили к канализации капиталистической системы. Не к чистой воде, не к горячей, не к холодной, не к источникам, не к гейзерам,

а к канализации. Для меня эта фраза закрыла тему. Вы еще раз ее перечитайте и взгляните, что делается вокруг.

— Неужто вы рассчитываете изменить мир?

— Наше актерское предназначение, предназначение русской культуры — что-то сказать, выразить что-то, что тебя мучает, с кем-то поделиться теми ошибками, которые ты делал, чтобы другие их не сделали. И поделиться не просто своей болью, мол, такой я нарцисс, который любит делиться своими проблемами. Поделиться надо так, чтобы изменились окружающие люди. Профессия такая. Актер, выходя на сцену, играя роль, все время познает себя, познает мир и, естественно, добывается от зрительного зала какого-то соучастия. А раз он его добился, значит, в какой-то степени он кого-то из зрительного зала убедил, в чем-то духовно переделал. Это деятельный процесс. Не просто человек заплакал, он переделал себя, он посмотрел на себя со стороны, он сумел увидеть себя в другом «цвете». Конечно, это не каждому дано. Я выхожу на сцену, на меня смотрят тысячи зрителей, и я прекрасно понимаю, что не достигну тысячи результатов. Дай Бог, десять человек, дай Бог, трое, которые через день-два после спектакля скажут жене, приятелю: слушай, я ночь не спал после него. И незаметно для себя сделают работу над собой, и от этого им станет чуть-чуть уютнее жить или, наоборот, неуютно от своих качеств.

— Ощущаете ли вы какую-то свою долю вины за распад Союза, национальные конфликты, обнищание людей, за то, что происходило и происходит в обществе?

— Не ощущаю, к сожалению. Я не ощущаю своей вины потому, что который раз убеждаюсь — пути народа с властью не перекрещиваются. Так уж у нас заложено на Руси. Я не ощущаю своего влияния на тех людей, от которых зависят решения. Эти люди бывают у меня на спектаклях, но они так озабочены собой — своим положением, своим креслом. Для них искусство по-прежнему как бы отдых, где их должны «попарить» для удовольствия, для тела, для организма, для крови. А кто парит? Актер Калягин. Эти разовые инъекции бесполезны. Как и раньше, власти нас не слышат, а мы... ну, совсем не понимаем их. Как мы можем влиять на этих людей? Мы живем как бы на разных этажах, причем с очень бетонированной звуко-непроходимой перегородкой.

— А если бы вдруг к актеру Калягину пришли и сказали: мы нуждаемся в вас, станьте помощником Президента. Согласились бы?

— Никогда! Мое дело — театр, мое дело — кино, мое дело — искусство.

— Но вы бы получили большую возможность быть услышанным.

— Нет. Восходя на этаж власти, я, наоборот, сразу оказываюсь неслышанным. Такова особенность этого этажа. У нас избиратели ни на что не влияют. Может, поэтому наши сегодняшние преобразования закручены на безнравственности. Поправ прежнюю безнравственность, в безнравственность вновь уперлись. Не надо только при этом мне говорить о каких-то особых мо-

(Окончание на стр. 7)